

Вячеслав Огир

Непогода. Пьеса.
(Инсценировка одноименного
рассказа)

Вячеслав Огир
Непогода. Пьеса.
(Инсценировка
одноименного рассказа)

<https://litres.ru/74494433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это, довольно тяжелая, но очень добрая, новогодняя пьеса. Так же как и в коротеньком рассказе, речь в ней идет о Горемыкине Константине Сергеевиче. Но здесь, мы узнаем, что он не с проста не любит праздников. Погружаемся в его детство и причины такого поведения. Любовь, предательство, прощение и толика новогоднего чуда. Вот, что такое для меня эта пьеса.

Вячеслав Огир

Непогода. Пьеса.

(Инсценировка одноименного рассказа)

1.

Костя. 54 года. Наши дни.

Константин: «Люди, люди, люди... Кругом стало столько людей, что иногда становится трудно дышать. Они собираются вместе, они обсуждают других людей, соседей, соседние кварталы, чужие страны, политику, веру — ровным счётом ни черта в этом не понимая. Их единственная цель — показать свою осведомлённость, остроумие, бунтарский дух. „Смотрите, я знаю больше вас, я важный и умный человек, и я знаю, куда нам идти и что делать!“ Вперёд!!! И все верят. И все идут. А как не пойти, если ты сам, собственно, никуда не шёл? Если всю жизнь ты топтался на месте без цели. Хорошо ещё, что человек по своей природе несколько ленив, потому что иначе наша планета уже давно погрязла бы в непрекращающихся войнах, если бы вообще до сегодняшнего дня смогла бы просуществовать. Людям нельзя находиться вместе. Дайте каждому человеку по клочку земли, забудьте такие слова, как: „общество“, „социум“ и „ком-

муникация“, отделите каждого бетонным забором, и пускай работают для себя. Если ты ленивый — умер. Горделивый — умер. Не умеешь — умер. Не хочешь — умер. Ты и только ты несёшь за себя ответственность. Тогда не будет ни богатых, ни бедных. Не будет войн. Не будет мира в том понимании, в котором мы привыкли слышать это слово, но будет мир в душах людей, ибо с самим собой ругаться будет бессмысленно и опасно для жизни. У человека в окружении врагов есть только два пути: сдаться или бороться. Сегодня чётное число, и мой выбор пал на второе».

Костя. 54 года.

Константин Сергеевич долго сидит на краю кровати и смотрит в одну точку. За окном слышны голоса детей. 30 декабря. Он медленно встаёт и идёт ставить кофеварку на плиту. Засыпает туда кофе, заливает водой и включает. Посмотрев на часы, берёт полотенце со спинки стула и идёт в ванну. Выходит он оттуда в аккурат, когда кофе закипает. Загружает хлеб в тостер, наливает себе кофе, проходя мимо тостера, захватывает хлеб и подходит к окну. Видно, что эти действия он воспроизводит в точности до секунды и что они повторялись уже много раз. На подоконнике стоят цветы, сгрудившиеся в кучку, как что-то ненужное. Он ставит тосты на подоконник и начинает медленно пить кофе. Шум детских криков звучит где-то далеко от него, и вид его спокоен, а движения мо-

нотонны. Но вот детские крики начинают нарастать, его движения замедляются. Всё больше и больше, пока, наконец, их громкость не перерастает в белый шум.

Костя. 11 лет.

В комнате появляется мальчишка. Весь в снегу. Сзади идёт мать и снимает с него верхнюю одежду. Вокруг стола бегают маленькая девочка и поёт новогодние песни. Где-то вдалеке, в тени, стоит угрюмый отец.

Мать: «Ну что же ты в комнату в верхней одежде, Костя... Отец недоволен».

Костик: «Представляешь, ма, мы у Витьки во дворе построили башню размером с его дом. А потом...»

Мать: «Если он будет на тебя кричать, ты лучше молчи. Ничего ему не отвечай».

Костик: «А что я такого сделал?»

Мать: «Ты опоздал на тридцать... На тридцать две минуты».

Костик: «Ой... Да подумаешь, тридцать две минуты? Зато представляешь, мы разделились на две команды и...»

Отец: «Я тебя ждал...»

Костик: «Пап, извини. У меня не было часов. Я не знал время...»

Мать: «Коля, давай его простим. Праздник всё-таки. Новый год».

Леночка: «Время чудес. Время исполнения желаний».

Отец: «Мы должны были идти в башню».

Костик: «Пойдём сейчас... Я готов».

Отец: «Ты опоздал. И сегодня ты опоздал не только к ужину, ты опоздал к своему празднику. За этим столом сидят люди, которые знают цену времени. Тебе за этим столом не место».

Костик: «Мне уйти?»

Отец: «Уходи».

Костик убегает в свою комнату, но перед тем, как туда зайти, оборачивается и кричит:

Костик: «Я никогда не стану таким, как ты... И работать, как ты, в этой серой, скучной башне не буду... И вообще... Пускай бы эти часы провалились. Меня бесит их звон, меня бесит их серый вид, и ты тоже...»

Отец: «Уходи...»

На башне раздаётся бой часов. Одиннадцать раз. Он плавно перетекает в пиликанье часов на руке Горемыкина.

Костя. 54 года. Наши дни.

Константин Сергеевич допивает свою чашку кофе, споласкивает стакан и ставит его в кухонный ящик. Затем он берёт металлический половник и идёт с ним в сторону кровати. Присев возле одной из трёх батарей, он ударяет по ней один раз, потом другой... Всё это напоминает настраивание инструмента. Где-то за стенкой слышен женский, ещё не проснувшийся голос: «Да чтоб тебя, Горемыкин!» Константин Сергеевич начинает улыбаться. После этого он уже работает половником по всем батареям в комнате. Голоса людей нарастают. Сыплются разные ругательства. Соседи стучат в стены, в дверь, кричат с балконов: «С наступающим, Новым годом!» Убедившись, что звук батарейной симфонии дошёл до всех, он откладывает половник и начинает собираться на работу. Бреется, одевается, заправляет кровать и, собравшись, подходит к входной двери, в которую ещё стучат соседи. Он смотрит в глазок, оценивает

собравшуюся публику и направляется к холодильнику. Там он достаёт небольшой кусок вонючей рыбы, которая плотно завязана в пакет, подходит к двери и, открыв маленькое окошко, кидает этот пакет в подъезд.

Константин: «Приятного аппетита!!!»

За дверью слышны бранные слова. Соседи потихоньку разбредаются. Горемыкин надевает пальто, шарф и шляпу, заглядывает в глазок — соседей нет. Он надевает калоши, берёт зонт и, открыв на двери семь разных замков, выходит из квартиры. Выйдя на улицу, Константин Сергеевич первым делом набирает полную грудь морозного свежего воздуха. А потом, как будто смакуя хорошее вино, медленно его выдыхает. При этом голова его сначала естественным образом поднимается вверх, а потом медленно идёт вниз, пока взгляд не сравняется с линией горизонта. И вот, как только процедура утреннего воздухооценивания была проделана полностью, глаза Горемыкина столкнулись с пристально смотрящими на него глазами Алексея Ивановича Светикова.

Светиков: «Доброе утро, Константин Сергеевич».

Константин: «Утро не бывает добрым или недобрым. Утро — это утро».

Светиков: «Ну... Вам виднее. А ведь я не просто так здесь

сiju. Я жду вас. И знаете зачем?»

Константин: «Догадываюсь. И мой ответ — нет».

Светиков: «Ну почему... Представьте, какую радость вы принесёте всем нам, если под Новый год часы на башне вновь пойдут».

Константин: «Ну, во-первых, не „вам“, а конкретно — вам. Вы думаете, я не знаю, зачем вы всё это делаете?»

Светиков: «Мой побудительный мотив, уважаемый Константин Сергеевич, заключается только в том, чтобы принести людям пользу и радость».

Константин: «И чем же отплатили вам эти люди? Что дали взамен? Сейчас я вижу перед собой человека с потухшими глазами и глубокими морщинами на лице. Обычно такие лица появляются над строчками: „сегодня прыгнул с моста“ или „в квартире номер 2 было совершено самоубийство“».

Светиков: «Я действительно так плохо выгляжу?»

Константин: «Нет. Вы выглядите хуже. Это я приукрасил в честь хорошего солнечного дня. Уж если тучи решили не омрачать сегодня бытие моё, то куда уж вам».

Светиков: «Вы жестоки».

Константин: «Я правдив».

Светиков: «Как вам будет угодно. Однако, с вашего позволения, я спрошу ещё раз. Почему вы не хотите воскресить память вашего отца и запустить часы на башне?»

Константин: «Вот уже пять лет мы с вами ведём один и тот же разговор. А разрешите поинтересоваться и мне, перед тем как я снова скажу „нет“, зачем вам сдались старые часы на старой башне?»

Светиков: «Видимо, вы давно не выходили дальше своей работы, друг мой. Попробую объяснить. Раньше все часы в нашем городе сверялись с башенными. У нас было одно на всех время. За те пять лет, что вашего отца нет с нами, время сильно изменилось. По подсчётам аналитиков, максимальная разница сейчас составляет тридцать две минуты. Опоздания на работу, сбой в системе общественного и железнодорожного транспорта... Да что там... Невозможно даже назначить с кем-нибудь встречу так, чтобы это не превратилось в обвинение друг друга в непунктуальности. Но это лишь практическая сторона вопроса... Чему вы так радуетесь, Константин Сергеевич?»

Константин: «Тому, что вы так беспомощны».

Светиков: «Остерегитесь. Очень скоро это коснётся и вас».

Константин: «Вряд ли. Мой отец был хоть и сноб, но чего было у него не отнять, так это точности. Особенно если дело касалось часов. Часы на моей руке, его подарок, поцелованы самим богом времени. За все сорок девять лет они не поспешили и не отстали ни на одну секунду».

Светиков: «Вы можете быть трижды правы, только что в этом толку, если все вокруг кричат и бьют себя в грудь, что их время правильнее. А дальше — кого больше, тот и прав, друг мой».

Константин: «Не называйте меня так».

Светиков: «Как?»

Константин: «Друг. Я вам не друг».

Светиков: «Как вам будет угодно. Хотя, признаться, я думал, что родственные связи позволяют мне так вас называть».

Константин: «Я не влюблён в вас, в отличие от моей сестры. И уж, конечно, не променял бы свою...»

Вновь возникает белый шум, и мысли Горемыкина переносятся в недалёкое прошлое.

Костя. 49 лет.

Квартира Горемыкина.

Елена: «Доброе утро, Константин Сергеевич. Как поживают ваши цветочки?»

Константин: «Доброе утро, Лена. Это не мои, а твои цветочки. Вообще не понимаю, что они делают у меня на подоконнике».

Елена: «Дают тебе кислород и привносят в твою серую жизнь хоть немного красок. Ты их поливал?»

Константин: «Если эти цветы стоят у меня в квартире, пускай привыкают к суровым будням».

Елена: «Боже... Что у тебя в холодильнике?»

Константин: «А что там?»

Елена: «Вот именно, что ничего. Какая-то тухлая рыба ле-

ЖИТ...»

Константин: «Оставь рыбу в покое».

Елена: «Она и так в покое. И, по всей видимости, уже очень давно. Так, смотри, я принесла тебе фруктов, они будут лежать здесь, масло — вот здесь. Куда положить овощи?»

Константин: «Туда, откуда ты их выкинула в прошлый раз».

Елена: «Тебе совсем наплевать на своё здоровье».

Константин: «Мне как раз не наплевать. Поэтому я мало ем, много хожу, и весы не показывают мне цифру государственного долга».

Елена: «Как это вульгарно и неостроумно — намекать мне на мой лишний вес».

Константин: «Я никогда не намекаю, Леночка, я всегда говорю прямо. Ты толстая».

Елена: «Хам. Всегда таким был. А между прочим, мой лишний вес не мешает мне жить полной жизнью. Кстати, ты

можешь меня поздравить».

Константин: «Ты наконец-то уволилась со своей работы?»

Елена: «Чем тебе не нравится моя работа? Дети — это наше будущее, а их обучение — наша обязанность».

Константин: «Если ты обучаешь тех детей, которые с утра до вечера кричат у меня под окном, то ты плохо справляешься со своими обязанностями».

Елена: «У них зимние каникулы. Что им ещё делать? Да и можно подумать, ты был не таким в детстве. Только и успевал получать от отца за свои...»

Константин меняется в лице.

Елена: «Прости. Не хотела напоминать».

Константин: «Ты была у него?»

Елена: «Да».

Константин: «И как он?»

Елена: «Как и ты. Ворчливый и злой. Сказала: „Давай я схожу на рынок за продуктами“, а он: „Я сам ещё в состоянии купить себе продукты“. Взял свою тележку, оделся и по-

шёл, бухтя. Думаю, пока ходит, приберусь немного. Надела перчатки, фартук, подхожу к окну, а он сидит на снегу возле дома, прямо на дороге, руками за тележку держится и встать не может. Пока выходила, он уже встал и опять пошёл. Говорю: „Пап, может, я всё-таки сама на рынок схожу“. А он мне, знаешь, что ответил?»

Константин: «Что?»

Елена: «Сказал, куда мне пойти».

Константин: «Упрямый хрен».

Елена: «Да. За словом в карман не полезет. Но...»

Возникает пауза в разговоре. Видно, что Елена мнётся и не решается что-то сказать.

Константин: «Чего замолчала?»

Елена: «Боюсь я за него».

Константин: «Да он нас с тобой переживёт. Что это...»

Лена достаёт из кармана наручные часы и три ключа.

Константин: «Это его часы?»

Елена: «Да. И ключи от башни. Он велел их передать тебе».

Константин: «И что сказал?»

Елена: «Сказал, что замок на двери заедает, нужно смазать. И ещё сказал, что с таким механизмом завода ты ещё не знаком, но разберёшься, если захочешь».

Константин: «Так и сказал: „если захочу“?»

Елена: «Да. Так и сказал».

Константин подошёл молча к окну и погрузился в свои мысли. Он берёт в руки лейку и начинает поливать цветы.

Елена: «Что ты делаешь?»

Константин: «Поливаю цветы».

Елена: «Костя, с тобой всё в порядке?»

Константин: «А что?»

Елена: «Я их уже полила!»

«Так, Константин Сергеевич, вам срочно нужен горячий чёрный чай и вкусная свежая булочка. Прямо как я! Садись сюда и ни о чём не думай. Ты меня слышишь? Ни о чём не

думай. Понял?»

Константин: «Хорошо».

Полулыбка коснулась губ Горемыкина.

Елена: «Итак, невнимательный ты человек, спроси у своей сестры наконец, с чем же ты должен её поздравить. Ну? Спрашивай! Смотри, чай горячий, аккуратнее... Я готова! Булка со сгущёнкой, я знаю, ты её не любишь, но другой не было... Ну не томи же... Спрашивай!»

Константин: «С чем я должен поздравить свою самую лучшую и болтливую сестру на свете?»

Елена: «Твоя лучшая и болтливая сестра, Елена Горемыкина, скоро станет Еленой Светиковой. Та-да-а-а-мммм!»

Константин: «Ты выходишь замуж?»

Елена: «Да ну, брось... Нет, конечно. Просто решила поменять фамилию...»

Константин: «За Алексея...»

Елена: «Да тебя не проведёшь... Мама всегда говорила, что ты у нас самый умный в семье. Да. Я выхожу замуж за Алексея Ивановича Светикова...»

Возникает белый шум, сильнее предыдущего, и мысли Горемыкина переносятся ещё на несколько десятков лет назад.

Костя. 16 лет.

Зима. Улица. Канун Нового года.

Костик, как всегда, в ссоре с отцом, поэтому домой он не спешит, несмотря на то, что сегодня 31 декабря и дома готовят праздничный ужин. Вообще, когда он опоздал на 32 минуты и отец выгнал его из-за стола, отношения Кости с отцом сильно ухудшились. С того времени Костик ни разу не встретил Новый год с семьёй. Он уходил из-за стола под предлогами, что у него болит живот или он очень хочет спать. Он даже улыбался всем и обещал, что посидит в комнате 15–20 минут и к двенадцати обязательно спустится. Но никогда не спускался. И сейчас он сидел на тротуаре, смотрел на башню с часами и хотел только одного: чтобы время шло быстрее. Он далеко улетал в своих мечтах в надежде не думать о холоде, и в этих мечтах он сидел у камина, в собственном доме, рядом ни души, только он один. Не нужно никому давать отчёт, где был, рассказывать, как провёл день, — только он, тепло родных стен и тишина. Вдруг он почувствовал удар по левой щеке. Он бы почувствовал и то, что это был снежок, но щёки его до того отморозились, что холода уже не чувствовали.

Светка: «Привет, сладкий».

Костик: «Ты зачем кинула в меня снежок?»

Светка: «Потому что сладкое не люблю».

Костик: «А с чего ты взяла, что я „сладкий“?»

Светка: «Да у тебя улыбочка вот такая была, и рожа как у дурачка... Фу, аж смотреть противно».

Костик: «Ну противно — не смотри. Иди куда шла».

Светка: «Не могу. У меня к тебе дело».

Костик: «Станный способ начинать деловое знакомство».

Светка: «Ладно, извини. Я машинально. Как вижу сладкое, аж злость берёт. Ничего не могу с собой поделать. Меня, кстати, Фетка зовут».

Светка жевала во рту жвачку таких размеров, которые не позволяли ей нормально разговаривать.

Костик: «Как тебя зовут?»

Светка: «Говорю: Фета, Фетка».

Светка увидела, что Костик не понимает, как её зовут,

выплюнула жвачку и произнесла своё имя по буквам:

Светка: «Семён, Василий, Елена, Татьяна, Леонид, Анна, Николай, Анна — СВЕТЛАНА. Понял?»

Костик: «Понял».

«Константин, Ольга, Семён, Татьяна, Яков — КОСТЯ».

Светка: «Мог бы не париться. Я знаю, как тебя зовут».

Костик: «Помнится, что нам встречаться не случалось».

Светка: «Но столько я о вас слыхала того-сего, что познаться давным-давно желаю. Да. Я тоже это читала, умник. Это школьная программа. Чего ты на меня так смотришь?»

Костик: «Ты сказала, что у тебя ко мне дело, и мне стало интересно, как ты после всех этих слов будешь меня о чём-то просить».

Светка: «А я разве сказала, что буду просить? Не-е-ет. Сначала я буду требовать, потом шантажировать, потом надавлю на жалость, обижусь и не буду с тобой разговаривать. А уж потом, возможно, просить».

Костик: «Нестандартный подход».

Светка: «Это женский подход. Высшая математика. Тебе не понять».

Костик: «Ну тогда ближе к делу».

Светка: «Баа... Мне нравится ваш деловой тон, коллега. Ближе к делу! Ты должен отвести меня вон на ту башню с часами. В десять я должна быть там».

Костик: «Требование отклоняется».

Светка: «Что... Вот так вот просто?»

Костик: «Да. Вот так вот просто».

Светка: «Хорошо... Если не отведёшь меня туда, я всей школе расскажу, что ты писал мне любовные записочки, стоял передо мной на коленях и просил с тобой дружить. А я на класс младше тебя...»

Костик: «Говори».

Светка: «И ты не боишься... Над тобой вся школа будет смеяться...»

Костик: «Не больше, чем сейчас. Говори».

Светка: «Блефуешь».

Костик: «Хочешь, сейчас, перед всей площадью, встану на колени и буду кричать, что люблю тебя... Я люблю тебя, Фетлана! Люблю твои глаза, твои растрёпанные волосы, твою шейку...»

Светка: «Дурак, что ли... Перестань. Увидят же».

Костик: «Говори, зачем тебе это нужно».

Светка: «А ты смеяться не будешь?»

Костик: «А это смешно?»

Светка: «Нет, но... Просто это странная история...»

Костик: «Валяй. Смеяться не буду».

Светка: «Ну, короче. Послали родители меня вчера к бабушке помочь ей убираться перед Новым годом. Ну, я пришла, а она как раз книжный шкаф разбирала. И вот протираем мы с ней книжки её эти от пыли, и из одной из них письмо вываливается. Письмо от моего деда. Пишет ей, значит,

дед, как он сидит в палатке, греется у огня, что до вершины им осталось пройти совсем немного. Он у меня альпинистом был. Ну, пишет там ещё, что небо звёздное у них и что каждая звезда — как большой арбуз на небе. Там фотка ещё с письмом рядом была, старая такая, затёртая».

Костик: «Ну? И что?»

Светка: «Ну, на той фотке звёзды были раньше. А теперь дыры. Вот я и хотела на башню залезть и сфоткать звёзды. Я даже фотоаппарат имею. Вот!!!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.